

Тема «мир — книга» развита также во втором стихотворении цикла «Книга» (лл. 234об.—235). Отождествление лишь сопоставимого здесь продолжено.

Различны книги нам суть богом предложены,
да благонравно жити будем наученны, —

начинает поэт. Первая книга — мир; вторая — «писанный закон», Ветхий Завет. «Занеже ту токмо един род читал есть и во добродетелех мало успевал есть», человечеству дана третья книга — Христос. Четвертая книга — богородица.

Пятая книга — совесть, комуждо свойственна,
яже ныне пред людьми лежит заключенна.
Но на всестрашном суде она отключится
и всему миру — да чет — яве предложится.
О блажен, иже пишет ныне в ней благая!
Горе же тому люто, кто чертает злая!
Благ бо за писание благих ублажится,
а злый за злая во огнь вечный осудится.
О братия, потщимся благая писати,
дабы благом²⁸ блаженство вечное прияти.
Не пишим же лукавых, дабы посрамленным
не быти пред всем миром и в огнь поверженным. . .

Если логический порядок всецело соответствует порядку действительности и может быть сведен к буквенным первоэлементам, то и поступки людей — это письма (благие и лукавые), которые человек записывает в книгу своей совести. Итак, превращение свершилось: книга «словес божественных» превратилась во всякую книгу. Слово божие в его конкретном смысле Симеон толкует как простое средство коммуникации; когда побуждения изрекающего слово — благие, оно дает благой же результат; в противном случае — ведет к греху.

Со аггелом лукавым Евва глаголаше
и злым его советом zde прелщена бяше.
За слово его взя плод богом возбраненный,
прелсти мужа; и бысть их весь плод умершвенный.
Со аггелом же благим бе глагол Марии,
и бяху глаголи их миру спасению.
Со аггельским бо словом плод свят восприяла,
во чреве своем слово божие зачала
Плотию, им же плодом весь плод оживися,
иже древлс в Адаме плодом умертвися.²⁹

(«Беседа», лл. 36 об.—37)

Комплекс этих логических операций приводит Симеона Полоцкого к выводу, что «словесность» есть главное качество праведника:

Подобие ко богу в праведнице зрится
трегубо; во-первых, же тому подобится
Естеством, ибо яко словесен небесный
царь, тако и праведник естеством словесный. . .

(«Подобие», л. 370 об.)

²⁸ В ркп. бгом вместо ожидаемого благом; по-видимому, здесь — ошибка писца, не замеченная при пересмотре «Вертограда» Симеоном Полоцким.

²⁹ Игра со словом «плод», типичная для барочной поэзии, — пример той подмены, о которой я говорил.